

HAL
open science

**“ Обернувшись, я увидел, как горела толпа ” :
Расследование гибели украинских политических
заключенных в октябре 1941 в ходе их этапирования из
Харькова**

Андрей Самохоткин

► **To cite this version:**

Андрей Самохоткин. “ Обернувшись, я увидел, как горела толпа ” : Расследование гибели украинских политических заключенных в октябре 1941 в ходе их этапирования из Харькова. 2022. <hal-04242898>

HAL Id: hal-04242898

<https://hal.science/hal-04242898>

Submitted on 17 Oct 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

18 октября 1941 года в селе Бутырки Уразовского района Курской области¹ загорелся сарай, где находились заключенные, которых этапировали пешком из Харькова в город Валуйки Курской области² в момент наступления нацистов. Из ряда источников следует, что пожар носил умышленный характер: утверждается, что сарай подожгли конвоиры. В ходе пожара умерли 149 человек, о чем сообщалось в «Ведомостях выбытия и движения эшелонов по тюрьмам НКВД Украинской ССР», сегодня хранящихся в ГАРФ³. Как мы увидим ниже, этот этап не раз вызывал интерес у исследователей, потому что в пожаре погиб классик украинской литературы, поэт Владимир Свидзинский.

Владимир Свидзинский (1885-1941) был относительно малоизвестен при жизни и получил признание посмертно. Советская критика порицала его за «идеалистичность и пассивность, субъективизм и чувство одиночества»⁴, тогда как современные украинские литературоведы считают Свидзинского одним из наиболее незаурядных украиноязычных поэтов, ставя его в один ряд с Богданом-Игорем Антоничем. Он писал пронизанные фольклорными мотивами стихотворения не без влияния западноевропейского сюрреализма, оставил несколько сказок и занимался переводами; в частности, Свидзинский переводил Гесиода, Овидия, Аристофана, Лопе де Вегу, Адама Мицкевича, Ивана Тургенева и Николая Некрасова; ему также принадлежит первый полный поэтический перевод «Слова о полку Игореве» на украинский язык. Свидзинский был арестован 27 сентября 1941 года по обвинению в «антисоветской агитации» и погиб в октябре того же года во время этапирования из Харькова на восток.

О пожаре в Бутырках и о произошедшем в Новом Осколе⁵ расстреле заключенных рассказывают два кратких текста – «Этап смерти»⁶ и «Жертвы Советов»⁷, – опубликованных соответственно 19 июля 1942 года и 27 января 1943 года в харьковской пронацистской газете «Новая Украина» в период оккупации.

Эти свидетельства очевидца сопровождается одна и та же фамилия – Рыбалов – в разных написаниях (укр. «Рибалов» и «Рибалів»). В первом тексте также указана должность автора в мирное время – преподаватель Харьковского университета (укр. «викладач Харківського університету»). Во втором тексте рядом с фамилией есть инициал О., образованный предположительно от имени «Олександр». Тексты связаны между собой сюжетом, местом действия (действие первого из них заканчивается в Валуйках, а действие второго в них начинается), и временем (в первом тексте рассказывается об отбытии из Валук 18 ноября 1941 года, второй текст начинается с той же даты). Благодаря такой согласованности мы можем утверждать, что авторство этих текстов принадлежит одному и тому же человеку.

1 Сегодня — село Бутырки Валуйского городского округа Белгородской области.

2 Сегодня — районный центр в Белгородской области.

3 ГАРФ. Ф. 9413, оп. 16, д. 9, л. 57-65.

4 Соловей Е.С. Свідзінський Володимир Юхимович // Енциклопедія історії України [Електронний ресурс]. — Режим доступа : http://www.history.org.ua/?termin=Svidzinskyj_V (Дата обращения: 13.11.2021).

5 Сегодня — районный центр в Белгородской области.

6 *Рибалов*. Этап смерти // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.

7 *Рибалів О.* Жертвы Советов // «Нова Україна», Харків, №20 (334). — Середа, 27 січня 1943. — С. 3.

Следует отметить, что текст «Этап смерти» давно известен исследователям в отличие от второго текста – «Жертвы Советов». Именно «Этап смерти» имеет в виду Элеонора Соловей, украинский специалист по творчеству погибшего в пожаре Владимира Свидзинского, когда пишет:

Газета «Новая Украина», которую издавало немецкое командование в Харькове, опубликовала подробный рассказ одного из арестантов из того этапа, пожалуй, единственного, кто спасся тогда, преподавателя университета по фамилии или Рыбаков, или Рыбалов. Его рассказ пересказал в своих воспоминаниях Дмитрий Чуб, на разговор с ним сослался и Василий Боровой. После войны этот человек пропал^{8 9}.

В нашей статье мы установим личность Александра Рыбалова, оставившего свидетельство об этой трагедии, и сосредоточимся на определении обстоятельств и места пожара. Мы постараемся выяснить, действительно ли конвоиры умышленно подожгли сарай с заключенными внутри, в случае чего речь должна идти о военном преступлении, или пожар мог носить случайный характер. В качестве источников мы будем использовать, с одной стороны, воспоминания украинских эмигрантов и заключенной Марии Манц, с другой, тексты Рыбалова и ряд архивно-следственных дел погибших в пожаре узников.

Пожар в Бутырках: история вопроса

Пожар в селе Бутырки Уразовского района более или менее подробно исследован. Одним из наиболее полных обзоров литературы по этому вопросу является статья Элеоноры Соловей «Гибель поэта как символ (оккупация Харькова и Владимир Свидзинский)»¹⁰.

При этом даже место пожара остается неуточненным. Согласно отдельным воспоминаниям украинских эмигрантов, которые не были непосредственными свидетелями пожара и поэтому были вынуждены полагаться – как мы продемонстрируем ниже – скорее на слухи и собственные догадки, чем на факты, пожар произошел около села Старый Салтов сегодняшней Харьковской области. Причиной пожара назывался умышленный поджог.

Впервые эта версия появляется в воспоминаниях профессора Воронина, проживавшего в Мюнхене. Свои нотариально заверенные воспоминания Воронин отправил в Париж в качестве свидетельских показаний по делу невозвращенца,

8 Укр. Газета «Нова Україна», яку видавало німецьке командування в Харкові, вмістила докладну розповідь одного з арештантів із того етапу, мабуть, єдиного, хто врятувався тоді, викладача університету на прізвище чи то Рибаків, чи Рибалов. Його розповідь переповів у своїх спогадах Дмитро Чуб, на розмову з ним покликався і Василь Боровий. По війні та людина зникла.

9 Соловей Е. Загибель поета як символ (окупація Харкова і Володимир Свідзінський) // Друга світова війна та долі мирного населення у Східній Європі. Матеріали міжнародної наукової конференції пам'яті Митрополита Андрія Шептицького, 30 листопада — 1 грудня 2015 року, м. Київ. За редакцією Леоніда Фінберга — К.: Дух і Літера, 2016. — 448 с., з іл.

10 Там же.

торгпреда Виктора Кравченко, подавшего судебный иск против газеты «Les Lettres françaises», которая усомнилась в правдивости книги Кравченко о преступлениях советского режима. Этот судебный процесс, выигранный Кравченко, широко освещался во французской прессе. Свидетелями по делу выступили десятки людей, включая тех, кто пережил коллективизацию и лагерь¹¹. Одним из таких свидетелей был профессор Воронин. В своих показаниях он писал:

В 1940-41 годы я жил в Харькове. В начале октября 1941 с приближением немецких войск в Харькове начались массовые аресты украинской интеллигенции. Холоднаторская тюрьма была переполнена в десять раз больше по сравнению с нормой. Где-то 10-12 октября из этой тюрьмы была выслана пешком «на восток», в сопровождении конвоя НКВД, группа политических заключенных из 400 человек (немцы вступили в Харьков 24 октября). За 18 километров юго-восточнее Харькова, недалеко от железнодорожной станции (кажется, Салтово), всю эту партию загнали для ночевки в полевой сарай, в котором было много соломы. Двери сарая закрыли, и где-то около полуночи подожгли этот сарай. Тех, кому с нечеловеческими усилиями, проломив дверь, удалось выбраться из пламени, НКВДисты достреливали. Из всей партии спасся один, с тяжелыми повреждениями от огня, инженер А... Одновременно с ним, через пролом в дверях выскочил из огня и известный певец украинской оперы Микиша (его сын теперь – известный в Европе пианист), но упал подстреленный; остался жив, или добились – неизвестно. Остальные заключенные сгорели. Среди них сгорели мои знакомые: режиссер харьковского театра имени 10-летия комсомола, заслуженный артист республики Юхименко и его жена, артистка того же театра, и известный в Украине поэт Владимир Свидзинский. Накануне своего ареста покойник Свидзинский, опасаясь ареста, ночевал у меня на противоположном от его проживания конце города. Жил он на Основе (район города). Утром ушел от меня и

11 Берберова Н. Н. Последние и первые. Дело Кравченко. — Издательство имени Сабашниковых, 2000. — 320 с. — ISBN 5-8242-0080-7.

был схвачен НКВДистами, которые устроили у его дома засаду, ожидая его возвращения всю ночь...^{12 13}

Вероятно, это первый текст, в котором утверждалось, что пожар носил организованный характер («Двери сарая закрыли, и где-то около полуночи подожгли этот сарай»), хотя о причинах такого поджога в доступном нам отрывке из показаний Воронина ничего не сообщается.

Нужно отметить, что упоминаемые Ворониным певец Михаил Венедиктович Микиша и поэт Владимир Свидзинский шли тем же этапом, что и Александр Рыбалов, автор воспоминаний «Этап смерти»^{14 15}. В то же время к показаниям Воронина следовало бы относиться с известной степенью осторожности, поскольку в отдельных утверждениях он оставался неточным. Например, Микиша не погиб в пожаре и умер в Киеве в 1971 году¹⁶. Актер Иван Юхименко, также упоминаемый в показаниях Воронина, погиб 6 февраля 1943 года в Казани¹⁷. По другим, неподтвержденным данным, Юхименко погиб в харьковской тюрьме в пожаре, который был делом рук НКВД (вопрос о том, имел ли место этот пожар, не является предметом данной статьи)¹⁸. Иначе говоря,

-
- 12 Укр. 1940-41 роки я жив у Харкові. На початку жовтня 1941 р. з наближенням німецького війська в Харкові почались масові арештування української інтелігенції. Холодногорська тюрма була переповнена вдсятеро більше в порівнянні з нормою. Десь 10-12 жовтня з цієї тюрми було випроваджено пішки «на схід», у супроводі конвою НКВД групу політичних в'язнів із 400 чоловік (німці вступили до Харкова 24 жовтня). За 18 кілометрів на південний схід від Харкова, недалеко від залізничної станції (здається, Салтово), всю цю партію загнали для ночівлі до польового сараю, в якому було багато соломи. Двері сараю замкнули, а десь біля півночі запалили цей сарай. Тих, кому з нелюдськими зусиллями, проломивши двері, удалось видертися з полум'я, НКВД-исти дострілювали. З усієї партії врятувався один з тяжкими ушкодженнями від огню, інженер А... Одночасно з ним через проломину в дверях вискочив із вогню й відомий співак української опери Микеша (його син тепер — відомий в Європі піаніст), але впав підстрелений; чи залишився живий, чи доби́ли — невідомо. Решта в'язнів згоріла. Між ними згоріли мої знайомі: режисер харківського театру імени 10-річчя комсомолу, заслужений артист республіки, — Юхименко — і його дружина, артистка того ж театру, та відомий в Україні поет Володимир Свідзінський. Напередодні свого арешту небіжчик Свідзінський, побоюючись арешту, ночував у мене на протилежному від його мешкання кінці міста. Жив він на Основі (частина міста). На ранок пішов від мене і був схвачений НКВД-истами, які влаштували біля його дому засідку, чигаючи на його повернення цілу ніч...
- 13 *Пігідо-Правобережний Ф.* «Велика Вітчизняна війна». Спогади та роздуми очевидця. — К.: Смолоскип, 2002. — 288 с. — ISBN 966-7332-78-0.
- 14 *Рыбалов.* Этап смерти // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.
- 15 *Степанов Ф.* Кризь сіті тоталітаризму : Поет і час // «Кримська Світлиця». — №40. — Сімферополь. — П'ятниця, 5 жовтня 2012.
- 16 *Головащенко М. І.* Микиша Михайло Венедиктович // Енциклопедія Сучасної України: електронна версія [веб-сайт] / гол. редкол.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк та ін.; НАН України, НТШ. — Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2018. — Режим доступа : https://esu.com.ua/search_articles.php?id=64388 (Дата обращения : 22.09.2021).
- 17 Юхименко Иван Якович // Мистецтво України : Біографічний довідник / упоряд.: А. В. Кудрицький, М. Г. Лабінський ; за ред. А. В. Кудрицького. — К. : «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 1997. — 700 с. — ISBN 5-88500-071-9. — С. 671.
- 18 *Чуб Д.* «В лісах під Вязьмою»: Спогади про Другу світову війну. — Мельбурн: «Ластівка», 1983. — 131 с. — ISBN 0-949617-00-8. — С. 120.

существует несколько версий смерти Юхименко. Вместе с тем, Александр Рыбалов в качестве места пожара указывает село Бутырки Уразовского района, а не Салтово.

В следующий раз пожар будет упомянут в неопубликованных воспоминаниях украинского агронома Ивана Видмыча-Бандуры, которые хранятся в Архиве Украинской свободной академии наук в США. Видмыч-Бандура также не был очевидцем пожара. Предполагалось, что воспоминания Видмыча-Бандуры будут опубликованы в сборнике о гражданской и политической деятельности белорусов и украинцев в годы оккупации, который должен был выйти из печати в 1958 году. Проект, однако, не состоялся¹⁹. Сегодня воспоминания известны в пересказе, составленном исследовательницей Любовью Дражевской по оригинальному тексту в 1985 году:

Видмыч начинает с описания того, как в октябре 1941 года красные части спешно отходили из Харькова. Были военные, которые бросали оружие, переодевались в гражданскую одежду и оставались в городе. Ночью НКВД подожгло тюрьмы вместе с заключенными, сгорело более трех тысяч человек. Часть заключенных погнали под конвоем на север, и в селе Старый Салтов их сожгли заживо. Среди них погибли ученый почвовед Тимофей Таранец и поэт Владимир Свидзинский. (При каких обстоятельствах – писаная история расходится: эмиграционные источники указывают, что барак, в котором ночевали заключенные, был подожжен, а советские источники утверждают, что они погибли в закрытом вагоне, в который попала немецкая бомба)²⁰

²¹.

Как мы видим, Любовь Дражевская, которая пересказала воспоминания Видмыча-Бандуры, уже не была уверена в организованном характере пожара в той степени, в какой в этом был уверен профессор Воронин, и посчитала нужным процитировать две версии пожара — «эмигрантскую» и «советскую».

Источник советской версии, согласно которой заключенные погибли во время «бомбардировки поезда» нацистской авиацией, – воспоминания писателя Юрия Смолича «Рассказу о непокое нет конца», изданные в 1972 году. Приведем отрывок из них, касавшийся смерти Свидзинского:

19 *Дражевська Л., Соловей О.* Харків у роки німецької окупації 1941-1943 : спогади // «Доповіді і повідомлення». — Ч. 2. — Нью-Йорк: «Українська Вільна академія наук у США», 1985. — 30 с. — С. 7.

20 Там же.

21 *Укр.* Відмич починає з опису того, як у жовтні 1941 року червоні частини спішно відходили з Харкова. Були військові, що кидали зброю, перевдягалися в цивільний одяг і лишалися в місті. Вночі НКВД запалило в'язниці разом з в'язнями, згоріло понад три тисячі осіб. Частину в'язнів погнали під конвоем на північ і в селі Старий Салтів їх спалено живцем. Серед них загинули учений ґрунтознавець Тимофій Таранець і поет Володимир Свідзінський. (За яких обставин — писана історія розбігається: еміграційні джерела подають, що був підпалений барак, в якому в'язні ночували, а радянські джерела твердять, що вони загинули в закритому вагоні, в який влучила німецька бомба).

«Обернувшись, я увидел, как горела толпа»

О гибели Свидзинского – тогда же, в первые месяцы войны, в лихие годы оккупации Украины, – украинские националисты, которые упорно выслуживались перед гитлеровцами и под их руководством поливали грязью и клеветой все советское, – пустили глупый, провокационный слух, будто Свидзинского, мол, «сожгли большевики». Якобы он был арестован, заперт с другими репрессированными в каком-то сарае, что ли, и сарай этот... подожгли. Это была ложь с самого начала: Свидзинский арестован не был.

А дело было так. Когда Харькову начал угрожать гитлеровский десант, и началась эвакуация города, мы, писатели, тоже начали (я тогда возглавлял Харьковскую организацию писателей) с Натальей Забилой (она тогда заменяла секретаря парторганизации) эвакуировать заезжих писателей, прибывших в Харьков волнами войны и отступления. Второй очередью поехали все, кто был старше и больнее. Тогда мы предложили эвакуационные талоны и Владимиру Ефимовичу. Но Владимир Ефимович принять талоны отказался, сославшись на семейные обстоятельства: жена лежала, будучи тяжело больной, нетранспортабельной, и он оставить ее не мог. Поэтому просил отложить его эвакуацию, пока жене станет легче, надеясь, что город вообще не придется отдавать врагу. И случился вскоре тот прорыв танкового десанта под самый Харьков, – нагло, ночью эвакуированы были все писатели, и мы с Забилой в том числе, вместе с большим отрядом интеллигенции разных профессий, – и нам сразу стало ничего неизвестно о Свидзинском: в эвакуационном эшелоне его не было. Лишь позднее нам стало известно, что вслед за нашим отправился еще один эвакуационный эшелон, людей эвакуировали впопыхах, некоторых даже без предупреждения, чтобы поскорее вывезти из-под немецкого наскока. В том эшелоне были писатели: Свидзинский и российский поэт Введенский, режиссер Юхименко с женой. Эшелон этот попал под бомбежку с воздуха, несколько вагонов разбомбили, и люди в них действительно погибли в огне бомбардировки. Был среди них и Владимир Ефимович Свидзинский.

Это стало известно от поэта Введенского, который ехал в другом вагоне, не разбитом бомбами, – он добрался, ведь, в Куйбышев. Позже, в дни войны, он умер – кажется, от пневмонии^{22 23}.

Следует отметить, что описанная Смоличем встреча с Александром Введенским не могла произойти, поскольку – согласно официальной версии – Александр Введенский погиб 19 декабря 1941 года от плеврита во время этапирования в Казань²⁴.

С воспоминаниями Смолича, которые можно назвать таковыми скорее по недоразумению, полемизирует исследователь Игорь Бондарь-Терещенко в публицистической рецензии на книгу Бориса Викторова, указывая, что Свидзинский именно что был арестован. Доказательство этого – его архивно-следственное дело. Причем по словам Бондаря-Терещенко, Смолич не мог не знать об этом при написании мемуаров: тогда Свидзинский уже был реабилитирован «за отсутствием состава преступления»²⁵. Элеонора Соловей также пишет, что «“примирительная” версия Ю. Смолича о разбомбленном немецкими самолетами эвакуационном вагоне давно опровергнута»²⁶. Кроме того,

22 Укр. Про загибель Свідзинського – тоді ж, у перші місяці війни, в лиху годину окупації України, – українські націоналісти, що заповзято вислужувалися перед гітлерівцями й під їх зверхністю заливали брудом і наклепами усе радянське, – пустили дурну, провокаційну погослоку, ніби Свідзинського, мовляв, «спалили більшовики». Немов був він заарештований, замкнений з іншими репресованими у якійсь клуні, чи що, і клуню цю... підпалено. Брежня пішла від самого початку: Свідзинський арештований не був. А діло було так. Коли Харкову почали загрозувати гітлерівські десанти і почалась евакуація міста, ми, письменники, теж почали (я тоді очолював Харківську організацію письменників) з Наталею Забілою (вона тоді заступала секретаря парторганізації) евакуювати письменників іноземних, прибитих до Харкова хвилями війни й відступу. Другою чергою поїхали всі старші віком та хворі. Отоді ми запропонували евакуаційні талони й Володимирі Юхимовичу. Але Володимир Юхимович прийняти талони відмовився, пославшись на сімейні обставини: дружина лежала тяжко хвора, нетранспортабельна, і він залишити її не міг. Тож просив відкласти його евакуацію, аж поки дружині полегшає, сподіваючись, що місто взагалі не доведеться віддавати ворогові. Та трапився невдовзі отой прорив танкового десанту під самий Харків – нагло, вночі евакуювані були всі письменники, і ми з Забілою в тому числі, разом з великим загonom інтелігенції різних професій – і відразу нам нічого не стало відомо про Свідзинського: в евакуаційному ешелоні його не було. Аж згодом нам стало відомо, що слідом за нашим вирушив ще один евакуаційний ешелон, людей евакуювали похапцем, декого навіть без попередження – аби мерщій вивезти з-під німецького наскоку. В тому ешелоні були письменники: Свідзинський та російський поет Вєденський, режисер Юхименко з дружиною. Ешелон цей попав під бомбардування з повітря, кілька вагонів разбомбардовано, і люди в них, справді, загинули в огні бомбардування. Був поміж цих і Володимир Юхимович Свідзинський. Це стало відомо від поета Вєденського, що їхав в іншому вагоні, не розбитому бомбами, – він добувся, либонь, до Куйбишева. Пізніше, в дні війни, він вмер – здається, від пневмонії.

23 *Смолич Ю.К.* Розповіді про неспокій немає кінця : ще дещо з книги про двадцяті, тридцяті роки в українському літературному побуті. — Ч. 3. — Київ: Радянський письменник, 1972. — 204 с. — С. 153-154.

24 *Бондарь-Терещенко И.* «Живя в этой провинции»: Александр Введенский и мир Харькова // «Союз писателей». — №13. — Харьков, 2011. — ISSN 1682-6418. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/sp/2011/13/zhivya-v-etoj-provinczii-aleksandr-vvedenskij-i-mir-harkova.html> (Дата обращения: 20.10.2021).

25 Там же.

в воспоминаниях Александра Рыбалова указывается, что заключенных этапировали пешком, а не в вагонах.

Кажется, версию Юрия Смолича могут подтвердить несколько архивно-следственных дел погибших в Бутырках, в которых в качестве причины смерти указывалась бомбардировка железнодорожного эшелона. Таковы, например, дела заключенного Корнея Кирилловича Андреева²⁷ и заключенного Ивана Петровича Рыбальченко²⁸. Однако эта причина смерти натывается на одно непреодолимое препятствие: и во время пожара в 1941 году, и сегодня в Бутырках не было и нет никакой железной дороги²⁹.

Наконец, у нас есть свидетельство, оставленное непосредственным очевидцем последствий пожара. В 1989 году рентгенолог³⁰ Мария Борисовна Манц рассказала, что заключенные сгорели в селе Непокрытое Волчанского района Харьковской области, которое находится недалеко от Старого Салтова. Воспоминания Марии Борисовны, записанные ее дочерью, хранились у Н.Н. Шилов, члена харьковского отделения Общества «Мемориал», впервые были опубликованы в 1995 году в журнале «Український засів»³¹ и впоследствии процитированы Игорем Бондарем-Терещенко в русском переводе в статье 2011 года³². Мария Борисовна рассказала о своем аресте и этапировании из Харькова, а затем — о пожаре и уходе за пострадавшими:

Прибыли в село Непокрытое и увидели там страшную картину: сгоревший огромный коровник и горы изувеченных огнём трупов, которые догорали. Крестьяне рассказывали, что коровник подожгли с четырёх сторон, он был закрыт, и никому не дали выйти, а тех, кому удавалось выбраться, пристреливали. Начали растягивать крюками трупы, чтобы закопать. Были ещё живые, страшно обгоревшие. Конвоиры пытались добить прикладами, но люди не давали, женщины кричали: «Живой, живой!

26 Соловей Е. Загибель поета як символ (окупація Харкова і Володимир Свідзінський) // Друга світова війна та долі мирного населення у Східній Європі. Матеріали міжнародної наукової конференції пам'яті Митрополита Андрея Шептицького, 30 листопада — 1 грудня 2015 року, м. Київ. За редакцією Леоніда Фінберга — К.: Дух і Літера, 2016. — 448 с., з іл. — С. 337.

27 Андреев Корней Кириллович, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 3833.

28 Рыбальченко Иван Петрович. ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 2054. Л. 77.

29 См. Топографическая карта 1941 года Красной Армии юга России. 2 км // Это место [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://etomesto.com/map-rkka_ug/?x=37.649585&y=50.179047 (Дата обращения : 23.09.2021).

30 Манц Мария Борисовна (1907) // Открытый список [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [https://ru.openlist.wiki/Манц_Мария_Борисовна_\(1907\)](https://ru.openlist.wiki/Манц_Мария_Борисовна_(1907)) (Дата обращения: 13.11.2021).

31 Зборовець І. До питання про обставини загибелі поета В. Свідзінського // Український засів. — Ч. 3 (22). — Харків, 1995. — 96 с. — С. 22-23.

32 Бондарь-Терещенко И. «Живя в этой провинции»: Александр Введенский и мир Харькова // «Союз писателей». — №13. — Харьков, 2011. — ISSN 1682-6418. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/sp/2011/13/zhivya-v-etoj-provinczii-aleksandr-vvedenskij-i-mir-harkova.html> (Дата обращения: 20.10.2021).

Оставьте!» Перенесли в пустую хату. Смотреть было страшно — на всём теле сплошные волдыри, страдали ужасно, оставили с ними солдата, меня и ещё одну женщину. Медикаментов не было, лечить нечем. Пробыли мы так дней пять. После прибыл ещё этап (тоже интеллигенция). Немцы наступали, и нас повели дальше. Обгорелых бросили, крестьянки разобрали их по соседних жилищах. Наверное, все поумирали. Зачем спалили людей? Чтобы избавиться, чтоб меньше было тащить, кормить^{33 34 35}.

Это второе – наряду с текстом Рыбалова – воспоминание очевидца. Из него мы узнаем, что пожар был намеренным, что немцы наступали и при этом не были на месте пожара, что конвоиры пытались добить прикладами еще живых людей. Речь идет о крайне важном свидетельстве, однако данный текст ставит перед исследователем ряд неразрешимых вопросов. Например, Рыбалов в статье, опубликованной чуть меньше чем через год после случившегося, пишет о пожаре в Бутырках, а Манц в воспоминании 1989 года рассказывает о пожаре в Непокрытом. Усложняется также выяснение причин пожара: Рыбалов ничего не сообщает о характере пожара, тогда как Манц утверждает, что это был поджог.

Игорь Бондарь-Терещенко, хотя и цитирует место смерти Владимира Свидзинского, указанное в архивно-следственном деле, – село Бутырки Уразовского района, – по-видимому, склоняется к версии Марии Манц о гибели заключенных в селе Непокрытое. Он пишет, что смерть Свидзинского в Бутырках при «эвакуации вглубь страны» была «версией гибели поэта, которой на долгие десятилетия суждено было стать официальной», и добавляет:

Свидзинский был не «эвакуирован», а «этапирован», и не «вглубь страны», а не далее Харьковской области, на территории которой и был сожжен конвоем³⁶.

Судя по всему, Элеонора Соловей также не вполне уверена, что местом пожара были Бутырки. Она пишет о «по крайней мере кажущейся»

33 Там же.

34 *Зборовець І.* До питання про обставини загибелі поета В. Свідзінського // Український засів. — Ч. 3 (22). — Харків, 1995. — 96 с. — С. 22-23.

35 *Укр.* Прийшли у село Непокрите і побачили там жахливу картину: згорівший величезний коровник і гори скалічених вогнем трупів; ще палало. Селяни розповідали, що коровник підпалили з чотирьох боків, він був зачинений, і нікому не дали вийти; тих, кому вдалося вибратися, пристрілювали. Почали розтягати гачками трупи, щоб закопати. Були ще живі, страшенно обпалені. Конвоїри намагалися добити прикладами, але люди не дали, жінки кричали: «Живий, живий, облиште». Перенесли до порожньої хати. Дивитися було страшно – на всьому тілі суцільні пухирі, страждали жахливо. Залишили з ними солдата, мене і ще жінку. Медикаментів не було, лікувати нічим. Були ми там днів зо п'ять. Потім прибув ще етап (теж інтелігенція). Німці наступали, і нас повели далі. Обпалених кинули, селянки розібрали їх по своїх домівках. Мабуть, всі поумирали. Навіщо спалили людей? Щоб позбавитися, щоб менше було тягнути, годувати.

36 *Бондарь-Терещенко І.* «Живя в этой провинции»: Александр Введенский и мир Харькова // «Союз писателей». — №13. — Харьков, 2011. — ISSN 1682-6418. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/sp/2011/13/zhivya-v-etoj-provinczii-aleksandr-vvedenskij-i-mir-harkova.html> (Дата обращения: 20.10.2021).

бюрократической точности» архивно-следственного дела Свидзинского, где говорится о Бутырках, но отмечает, что «различия в датах и других фактах» должны объясняться системой, которая «тяготела к халтуре, “показухе”, очковтирательству, халатности»³⁷, хотя мы предполагаем, что в данном случае речь должна идти скорее об ошибках мемуаристов. Соловей отмечает:

В любом случае, указанный в справке населенный пункт точно существует, подтверждение содержит, например, «Книга памяти Белгородской области»: на хуторе Бутырки Уразовского района Курской области родился один из репрессированных в 1937 году фермеров-колхозников, Емельян Гладков <...>. Бутырки расположены сравнительно недалеко от Старого Салтова и села Непокрытое, которые фигурируют в других показаниях о гибели поэта^{38 39}.

Между тем, если обратиться к делам других лиц, сгоревших в этом пожаре, а не только к делу Владимира Свидзинского, то можно увидеть, что во многих из них в качестве места смерти указаны Бутырки⁴⁰. Возможные сомнения относительно места пожара могут быть вызваны большим количеством источников (от показаний Воронина до мемуаров Видмыча-Бандуры), которые в данном случае скорее запутывают, чем проясняют обстоятельства пожара и гибели заключенных.

Остается лишь предполагать, о каком пожаре шла речь в воспоминаниях Марии Манц. Кроме ее кратких сведений, никакая другая информация о пожаре в Непокрытом на данный момент не обнаружена, в то время как о пожаре в Бутырках свидетельствует более или менее взаимосвязанный массив документов. В то же время Манц говорит об умышленном поджоге, хотя она, по ее словам, не присутствовала на месте в момент возгорания, полагаясь на рассказы крестьян. Возможно, Мария Манц ошиблась в месте пожара за давностью лет? Такое предположение остается по существу спекулятивным: у нас нет дополнительной информации, чтобы в полной мере его подтвердить или опровергнуть, при этом

37 Соловей Е. Загибель поета як символ (окупація Харкова і Володимир Свідзінський) // Друга світова війна та долі мирного населення у Східній Європі. Матеріали міжнародної наукової конференції пам'яті Митрополита Андрія Шептицького, 30 листопада — 1 грудня 2015 року, м. Київ. За редакцією Леоніда Фінберга — К.: Дух і Літера, 2016. — 448 с., з іл. — С. 337.

38 Там же.

39 Укр. У кожному разі, вказаний у довідці населений пункт достеменно існує, підтвердження містить, наприклад, «Книга памяти Белгородской области»: на хуторі Бутирки Уразовського району Курської області народився один із репресованих у 1937 р. селян-колгоспників, Смельян Гладков; там-таки й прожив свої 47 років, там був заарештований за тією ж статтею 54-10... Бутирки розташовані порівняно недалеко від Старого Салтова та села Непокрите, які фігурують в інших свідченнях про загибель поета.

40 См.: Базилевич Петр Алексеевич, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 4528. Л. 11. Также Двукраев Михаил Арсеньевич, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 3789. Л. 10. Также Иванов Яков Дмитриевич, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 4535. Л. 11 об. Также Козлов Владимир Никитович и Куропатов Алексей Францевич, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 7030. Л. 35 об. Л. 36. Также Монт Самуил Абрамович, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 5105. Л. 56. Также Романенко Владимир Федорович ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 15. Л. 18 об. Также Тимофеев Алексей Григорьевич, ГАХО Ф. Р-6452, оп. 1, д. 5226. Л. 11.

Манц отмечает, что находилась на месте пожара около пяти дней, то есть, очевидно, имела возможность узнать название села. Может ли быть так, что речь идет о двух разных пожарах? В этом случае определить их место помогли бы документы эшелонного конвоя, которые пока что не найдены. Тем не менее, нам кажется, что и без документов эшелонного конвоя у нас есть достаточно данных, чтобы обосновать версию о пожаре в селе Бутырки, а не в Непокрытом.

С одной стороны, воспоминания украинских эмигрантов и Марии Манц о предполагаемом пожаре в Старом Салтове или Непокрытом противоречат архивно-следственным делам жертв пожара, где в качестве места смерти указаны именно Бутырки. С другой стороны, исследователям доступна уже упомянутая справка из ГАРФ с указанием числа погибших и места их гибели – села Бутырки. Наконец, о пожаре в Бутырках рассказывает краткий, но подробный текст мемуарного характера, написанный Александром Рыбаловым, и у этого текста есть преимущество: опубликован он был спустя менее чем через год после пожара. Можно сомневаться — вслед за Игорем Бондарем-Терещенко и Элеонорой Соловей — в том, что место смерти в архивно-следственных делах указали верно (тем более что в двух вышеупомянутых делах причиной смерти называется бомбардировка поезда, а это, как мы уже выяснили, было невозможно), но как быть с воспоминаниями очевидца Рыбалова, который пишет о том, что пожар произошел в Бутырках, а не в каком-либо другом месте, ничего не сообщает о пожаре в Непокрытом (при том что он следовал тем же этапом, что и Свидзинский⁴¹) и даже добавляет, что после пожара его и других оставшихся в живых узников отправили на лечение в больницу города Валуйки, то есть в ближайший к Бутыркам крупный населенный пункт⁴²?

И кем был этот Александр Рыбалов, который оставил нам ключевое свидетельство о произошедшем и благодаря которому мы можем уточнить место, где произошел пожар, а также попытаться определить характер этого пожара?

«Его настоящая фамилия другая...»

Описанная Рыбаловым картина пожара, физических страданий заживо горевших людей, которые пытались выбраться из сарая через окна, наталкиваясь на сопротивление конвоиров, и кричали от боли, прощаясь с оставленными в Харькове близкими, взывает к состраданию. При этом нельзя не отметить проблемный характер воспоминаний Рыбалова: в них не содержится почти никаких биографических сведений об авторе. Рыбалов — псевдоним или его настоящая фамилия? Как он оказался в оккупированном Харькове и опубликовал там свои свидетельства, если описывает собственное этапирование до Уфы? Можем ли мы попытаться установить, насколько непротиворечив автор в описании обстоятельств пожара, например, подтвердив судьбу некоторых узников, названных им поименно?

41 Степанов Ф. Кризь сіті тоталітаризму : Поет і час // «Кримська Світлиця». — №40. — Сімферополь. — П'ятниця, 5 жовтня 2012.

42 Рыбалов. Этап смерти // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.

Вопрос о настоящем имени Рыбалова впервые поставил харьковский поэт Василий Иванович Боровой, который был одним из немногих лично видевших его людей. Боровой часто бывал в редакции коллаборационистской газеты «Новая Украина», где и познакомился с Рыбаловым летом 1942 года. Уже в постсоветское время он так ответил на вопрос украинского писателя Федора Степанова о гибели поэта Владимира Свидзинского, следовавшего тем же этапом, что и Рыбалов:

Вы спрашивали, кто был свидетелем сожжения Свидзинского, – преподаватель нашего университета Рыбалов. Он рассказал об этом летом 1942 года в редакции «Новой Украины», подал и воспоминания, хотя до сих пор думаю, что его настоящая фамилия другая^{43 44}.

По-видимому, Василий Боровой мог исходить из предположения, что свидетелю советских преступлений незачем было раскрывать свое настоящее имя в условиях военного времени, когда исход войны мог оставаться неясным, и риски были слишком велики. Ведь и сам Василий Боровой с окончанием войны был приговорен к расстрелу из-за сотрудничества с газетой «Новая Украина» (впоследствии расстрел был заменен на 25 лет лагерей, а затем – на 10 лет)⁴⁵. Таким образом, сомнения Борового в том, что Рыбалов использовал свою настоящую фамилию, вполне объяснимы. Надо полагать, с годами Василий Боровой мог потерять уверенность в том, что верно запомнил фамилию Рыбалова: так, в статье 1992 года он называет его «Рыбаковым»⁴⁶. Элеонора Соловей, ссылаясь на Борового, также цитирует его фамилию в двух вариантах. Вероятно, именно из-за сомнений, высказанных Василием Боровым, долгое время исследователи не предпринимали поисков с целью найти какие-либо сведения о Рыбалове, заранее предполагая, что такие поиски будут обречены на неудачу, потому что автор публикаций в «Новой Украине» взял псевдоним.

Между тем, в Государственном архиве Харьковской области автором этой статьи было обнаружено дело Александра Вавиловича Рыбалова, который, по-видимому, написал оба мемуара. Это дело прежде не связывалось с текстами, опубликованными в «Новой Украине».

Александр Вавилович Рыбалов, украинец по национальности, родился в 1889 году в Харькове⁴⁷. Его отец был харьковским рабочим, «сапожничал», был

43 Степанов Ф. Кризь сіті тоталітаризму : Поет і час // «Кримська Світлиця». — №40. — Сімферополь. — П'ятниця, 5 жовтня 2012.

44 Укр. Ви питали, хто був свідком спалення Свідзінського, — викладач нашого університету Рыбалов. Він розповів про це влітку 1942 року в редакції «Нової України», подав і спогади, хоча й досі думаю, що його справжнє прізвище інше...

45 Василь Боровий: «Мене благословив до друку Свідзінський»: інтерв'ю Л. Хворост і Л. Вировець [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://kharkiv-nspu.org.ua/archives/2794>. (Дата обращения : 23.09.2021).

46 Боровой В. Из пламени, из забвения // «Вечерний Харьков», Харьков. — Четверг, 19 ноября 1992. — С. 3.

47 ГАХО. Ф. Р-6452, оп. 1, д. 4800. Л. 10.

членом ВКП/б/ в 1918-1919 годы, «служил добровольно в первом украинском полку» и умер в 1925 году⁴⁸. Мать умерла тремя годами позже – в 1928⁴⁹.

В 1913 году студент Александр Рыбалов закончил славяно-русское отделение Харьковского университета и переехал в город Валуйки Воронежской губернии, где с перерывами преподавал с 1913 по 1920 год^{50 51}.

С началом Первой мировой войны Александр Рыбалов был призван в армию. На допросе 2 октября 1941 года он рассказывал:

В 1915 году по мобилизации я был призван в царскую армию и был направлен в школу прапорщиков в гор. Чугуеве, которую по истечении 4-х месяцев и окончил. После окончания школы служил в запасном 245 полку в гор. Вольск Саратовской губернии – прапорщиком, в апреле м[еся]це 1917 года был направлен в 323 полк, где я принимал участие в полковых комитетах. В 1917 году за отказ носить оружие был отдан под суд и направлен в г. Киев в штаб округа, в это время в октябре 1917 г. надвигалась революция и я принял участие в работе ревкома и во время переворота, когда к власти пришел Петлюра, меня было административно выслано из гор. Киева 4 декабря 1917 года в Воронежскую губернию⁵².

На повторном допросе Рыбалов сообщил:

Когда я служил в 323 пехотном полку, в 1917 году были солдатские митинги, на этих митингах я выступал за мир, за лозунги большевиков. Среди офицеров я впервые бросил свою оружие. За это однажды командир полка в присутствии других офицеров меня назвал, «вот у меня здесь завелся большевик»⁵³.

В 1920 году Рыбалов вернулся из Валук в Харьков, где работал заведующим школьного отделения Харьковского отдела народного образования. В мае 1920 года он был мобилизован в РККА и направлен военным комиссариатом в харьковский военно-революционный трибунал в качестве следователя внутренней охраны (ВОХР)⁵⁴. На этой должности он пробыл до 1923 года. Затем – в 1924-1925 годы – он был народным судьей. Наконец, с 1926 года «по день ареста» Рыбалов «работал преподавателем [в] средних школах и высших

48 Там же. Л. 17.

49 Там же. Л. 12.

50 Там же. Л. 11.

51 Там же. Л. 18.

52 Там же. Л. 15.

53 Там же. Л. 19 об.

54 Там же. Л. 15.

учеб[ных] заведениях и преподавал в доме Красной армии»⁵⁵. В анкете арестованного он обозначил себя как преподавателя Харьковского университета. Именно эту свою должность он укажет в статье «Этап смерти» в 1942 году⁵⁶.

Александр Рыбалов был арестован 27 или 28 сентября 1941 года^{57 58}. Постановление на арест содержало привычный для подобных арестов перечень обвинений: утверждалось, что Рыбалов был «антисоветски настроен» и «систематически среди окружающих» высказывал «контрреволюционные взгляды в отношении мероприятий Советского правительства и ВКП/б/», восхвалял «старый царский строй», «по поводу происходящей войны с Германией» распространял «контрреволюционные провокационные слухи и версии, клеветца на руководителей советского правительства и партии». Антисоветская деятельность Рыбалова якобы была «подтверждена проверенными материалами и свидетельскими показаниями»⁵⁹. Во время обыска были изъяты паспорт арестованного и его служебное удостоверение⁶⁰.

На допросе в Харькове, состоявшемся 2 октября 1941 года, Александр Рыбалов отрицал предъявленные ему обвинения⁶¹. Следующий его допрос состоялся уже в Уфе, в Башкирской АССР, 28 января 1942 года, что свидетельствует об этапировании Рыбалова из Харькова⁶². Кроме всего прочего, сведения о том, что до своего освобождения Рыбалов содержался в Уфимской тюрьме, совпадают с текстом воспоминаний, в которых он называет этот город конечной точкой своего маршрута:

18 ноября с другими заключенными, оставшимися в живых, меня посадили в грузовой вагон, который шел со 160 арестованными из Нового Оскола в Уфу^{63 64}.

В ходе повторных допросов в Уфе Рыбалов продолжал последовательно отрицать свою причастность к антисоветской пропаганде. «Я правдиво говорю, что я не лоялен к фашистам и никогда не вел профашистскую деятельность», – сообщил обвиняемый лейтенанту госбезопасности Алексееву⁶⁵.

55 Там же. Л. 18.

56 *Рыбалов. Этап смерти* // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.

57 Там же. Л. 19 об.

58 Там же. Л. 5.

59 Там же. Л. 3.

60 Там же. Л. 6.

61 Там же. Л. 15.

62 Там же. Л. 16.

63 *Рыбалов. Этап смерти* // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.

64 *Укр.* 18 листопада з іншими в'язнями, що лишилися живими, мене посадили у вантажний вагон, який ішов із 160 арештованими з Нового Оскола в Уфу.

65 ГАХО. Ф. Р-6452, оп. 1, д. 4800. Л. 21.

Также Рыбалов поделился своими догадками об обстоятельствах ареста. Обвиняемый считал возможной причиной ареста тот факт, что он поселился в квартире эвакуированного из Харькова профессора, акушера-гинеколога Давида Ефимовича Шмундака:

Меня арестовали 28/IX/1941 года [...] в квартире профессора Шмундака Давида Ефимовича в доме специалистов. После ареста меня допрашивали один раз по вопросу анкетных моих данных. За что арестовали я не знаю. Я предполагаю, что меня арестовали за то, что я занял квартиру профессора Шмундака [по] следующим причинам. Шмундак вместе с медицинским институтом эвакуировался в гор. Чкалов, а в его квартире осталась только одна домработница по имени Наташа, фамилию я не знаю. Квартира Шмундака состояла из пяти комнат, после Шмундака две комнаты занял я, а [в] остальных двух комнатах жил военный инженер, фамилию, имя и отчество его не знаю. Я имел свой дом отцовский и еще занял квартиру Шмундака, это обстоятельство дало людям думать, что я во время эвакуации населения города интересуюсь своим благополучием и жду немцев⁶⁶.

7 февраля 1942 года следствие было окончено⁶⁷. 13 февраля в обвинительном заключении лейтенант Алексеев предложил избрать мерой пресечения для Рыбалова пять лет лишения свободы⁶⁸. Однако 9 мая 1942 года лейтенант Кудряшов пересмотрел обвинительное заключение, и Александр Рыбалов был освобожден из-под стражи за отсутствием состава преступления, после чего он покинул Уфимскую тюрьму №7 НКВД БАССР 11 мая того же года⁶⁹.

Архивно-следственное дело Александра Рыбалова ничего не сообщает нам о дате его этапирования из Харькова, хотя и содержит ряд ценных биографических сведений. Мы не знаем, как он добрался до оккупированного Харькова, но при этом сам факт освобождения помогает понять, как вообще стало возможным, что Рыбалов оказался в Харькове, будучи этапированным из него. В то же время у нас есть основания предположить, что Рыбалов был знаком с географией Валуйского и прилегающего к нему Уразовского районов, ведь сравнительно долгое время он прожил в Валуйках.

Нам также известно, что после возвращения в Харьков Александр Рыбалов стал священником в Церкви Смоленской иконы Божией Матери, вновь открытой во время оккупации. В справке об истории этого прихода, составленной отцом Сергеем Даммансом, сообщается, что «священником был назначен Александр Вавилович Рыбалов, который проживал на Новосёловке по адресу: пер. Линейный, 10»⁷⁰. Далее Дамманс рассказывает о судьбе Рыбалова:

66 Там же. Л. 19 об. Л. 20.

67 Там же. Л. 23.

68 Там же. Л. 27 об.

69 Там же. Л. 26.

«Обернувшись, я увидел, как горела толпа»

Он был преподавателем Харьковского университета, владел двенадцатью языками. Перед самым началом войны его арестовали (причина неизвестна), его поместили в Холодногорскую тюрьму. Заключенных не успели эвакуировать перед отступлением Красной Армии и он остался в оккупированном Харькове.

После освобождения Харькова в 1943 г. приход снова был закрыт, а Александр Вавилович Рыбалов арестован.

В 1959 отец Александр умер во Львовской тюрьме. Остались в живых дочь священника и его внука. В настоящее время отец Александр реабилитирован⁷¹.

Очевидно, на момент написания истории прихода Сергей Дамманс еще не знал об архивно-следственном деле Рыбалова, согласно которому в 1941-1942 годы он все-таки был этапирован из Харькова в Уфу, а не остался в оккупированном городе. Вместе с тем, адрес проживания Рыбалова, указанный Даммансом, совпадает с адресом из архивно-следственного дела⁷². Если Рыбалов действительно скончался во Львовской тюрьме в 1959 году, проведя в заключении около 16 лет, это значит, что должно существовать по меньшей мере еще одно его дело, послужившее основанием для обвинительного приговора.

Судьба попутчиков

Закономерен вопрос о том, в какой степени можно считать достоверным данное Александром Рыбаловым описание пожара.

С одной стороны, в архивно-следственных делах причиной смерти узников чаще всего назывался именно пожар, что совпадает со сведениями Александра Рыбалова. С другой стороны, в своем тексте Александр Рыбалов – в отличие от мемуаристов из среды украинской эмиграции – не сообщает, был ли пожар умышленным. Наконец, из-за отсутствия других свидетельств об этапировании и пожаре, оставленных непосредственными очевидцами, перекрестный анализ сопоставимых исторических источников представляется затруднительным. Таким свидетельством можно было бы считать уже процитированные воспоминания Манц, которые входят в противоречие с текстом Рыбалова касательно места и обстоятельств пожара, но у нас до сих пор нет каких-либо документов, где упоминался бы пожар в Непокрытом, а не в Бутырках. К тому же, Манц не была очевидцем возгорания.

Чтобы проверить достоверность текста Рыбалова, мы можем обратить внимание на некоторые фамилии, упомянутые в статье «Этап смерти» и, по

70 Дамманс С. Церкви улицы Семинарской (Володарского) // Храм Смоленской иконы Божией Матери Харьков [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://smolenskoy.blogspot.com/p/blog-page_4.html (Дата обращения : 13.11.2021).

71 Там же.

72 ГАХО. Ф. Р-6452, оп. 1, д. 4800. Л. 3.

крайней мере, установить, насколько верно Рыбалов описал судьбу этих людей. По ходу повествования автор упоминает, в том числе, певца Михаила Микишу, поэта и переводчика Александра Сороку и агронома А. Е. Довбню, который выжил в пожаре и был направлен на лечение в валуйскую больницу, где умер «от ожогов пальцев и лица».

Судьба Михаила Микиши более или менее известна и уже кратко описывалась выше. Что касается текста Рыбалова, в нем Микиша упоминается лишь эпизодически – в сцене с перестрелкой во время этапирования пешим порядком на восток, когда заключенным приказали лечь, и Микиша упал на Рыбалова.

Второй упомянутый по имени человек – поэт Александр Сорока – «попытался убежать», когда заключенные «поднимались на гору перед Салтовом». Александр Рыбалов сообщает:

Он был уже за 2 километра от этапа, когда его настиг водитель и убил двумя выстрелами^{73 74}.

Эти сведения в полной мере подтверждаются биографом Александра Мусиевича Сороки. В акте конвоя указывалось, что 12 октября 1941 года, во время этапирования из Харькова в Иркутск, при попытке побега он был убит⁷⁵.

Наконец, путем обращения в Отраслевой архив СБУ и Архив СБУ по Харьковской области нам удалось выяснить личность Александра Евтихиевича Довбни. Напомним, что писал о Довбне Рыбалов:

17 октября мы остановились в селе Бутырки Уразовского района. 540 заключенных разместились в сарае. Недалеко была солома, и на подстилку нанесли ее очень много. После девяти часов вечера, не успели мы еще заснуть, как услышали крик: «Пожар!». Я лежал рядом с агрономом А. Е. Довбней. Подняв головы, мы действительно увидели огонь на чердаке. Хотели взять узелки, которые лежали в головах под соломой, но пламя мгновенно перескочило на середину сарая, а потом и в другой конец. Оставив вещи, мы бросились к запертой двери. Некоторые стали выбивать стекла в окнах сарая. Послышался крик конвоиров: «Не поднимай паники, стрелять будем!». Когда один из заключенных бросился в окно, – его убили выстрелом.

Когда мы с агрономом Довбней подбежали к двери, весь сарай был уже охвачен пламенем. Потолок прогорел за несколько минут. Загорелась сухая солома под

73 *Рыбалов*. Этап смерти // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.

74 *Укр.* Він був уже за 2 кілометри, коли шофер наздегнав його і двома пострілами вбив.

75 *Сорока М.* Сорока Олександр // 3 порога смерті: письменники України — жертви сталінських репресій / Авт. кол.: Бойко Л.С. та ін. — К.: Радянський письменник, 1991. — Вип. 1 / Упоряд. О.Г. Мусієнко. — 494 с.

ногами. А двери оставались закрытыми. Люди, которые начинали гореть, кричали: «Ломай дверь!». Наконец, двери затрещали и открылись. <...>.

Толпа колхозников прибежала на пожар, но начальник этапа не позволял ни тушить пожар, ни помогать пострадавшим. Через полчаса сарай догорел вместе с людьми. Из 540 заключенных через другую дверь, в основном, через боковую, ранее открытую конвоиром, спаслось 210, которых на второй же день повели дальше. Сгорело 170 человек, обгорело 60. Из них около двадцати вскоре умерли, а сорок, в том числе и я, были отправлены в Валуйскую городскую больницу. Там почти никакой помощи нам не оказали, и умерло еще двадцать со сравнительно небольшими ожогами. Так, агроном Довбня, крепкий и здоровый человек, умер в Валуйской больнице от ожогов пальцев и лица^{76 77}.

Александр Евтихиевич Довбня родился в 1892 году. Он действительно был агрономом и на момент ареста проживал в Харькове⁷⁸. Его арестовали 29 сентября 1941 года за «антисоветскую агитацию против мероприятий ВКП/б/ и Советского правительства» и этапировали 8 октября того же года в Казань⁷⁹. Он не прибыл к месту заключения⁸⁰, в связи с чем объявлялся во всесоюзный розыск 7 июня 1949 года⁸¹. Нас более всего интересует последнее известное местонахождение Довбни. В 1963 году, в ходе проверки, проведенной по заявлению сына Александра Довбни, выяснилось, что Довбня «18 апреля 1942 года находился на излечении в больнице гор. Валуйки, но его дальнейшая судьба неизвестна»⁸² (не лишним будет

76 Рибалов. Этап смерти // «Нова Україна», Харків, №158. — Неділя, 19 липня 1942. — С. 3.

77 Укр. 17 жовтня ми спинилися в селі Бутирках, Уразівського району. 540 ув'язнених розмістилися в сараї. Недалеко була солома, і на підстилку нанесли її дуже багато. Після дев'ятої години вечора, не встигли ми ще заснути, як почули крик: «Пожежа!». Я лежав поряд з агрономом А. Е. Довбнею. Піднявши голови, ми справді побачили вогонь на горіщі. Хотіли взяти клуночки, що лежали в головах під соломою, але плум'я вмить перескочило на середину сарая, а далі й в інший кінець. Залишивши речі, ми кинулись до замкнених дверей. Дехто став вибивати шибки у вікнах сарая. Почувся крик конвойних: «Не піднімай паники, стрелять будемо!». Коли один з ув'язнених кинувся у вікно, – його вбили пострілом. Коли ми з агрономом Довбнею підбігли до дверей, весь сарай був уже охоплений полум'ям. Стеля прогоріла за кілька хвилин. Загорілася суха солома під ногами. А двері лишалися замкненими. Люди, що починали горіти, кричали: «Ломай двері!». Нарешті, двері затріщали і відчинилися. <...> Натоп колхозників прибіг на пожежу, але начальник етапу не дозволяв ні гасити пожежу, ні допомогати потерпілим. За півгодини сарай догорів разом із людьми. Из 540 в'язнів через інші двері, головно, через бічні, раніше відкриті конвоїром, врятувалося 210, яких на другий же день повели далі. Згоріло 170 людей, обгоріло 60. З них близько двадцятьох незабаром померли, а коло сорока, в тому числі і я, були відправлені у Валуйську міську лікарню. Там майже ніякої допомоги нам не подали, і вмерло ще двадцять з порівняно невеликими опіками. Так, агроном Довбня, міцний і здоровий чоловік, помер у Валуйській лікарні від опіку пальців і обличчя.

78 УСБУ ХО №021608. Л. 9.

79 Там же. Л. 3, 7, 9.

80 Там же. Л. 35 об.

81 Там же. Л. 16.

82 Там же. Л. 43.

также упомянуть, что в ложном свидетельстве о смерти, выданном КГБ сыну Довбни, утверждалось, что он умер «в местах заключения 28 апреля 1942 года от воспаления легких»⁸³). Утверждение, что 18 апреля 1942 года Довбня находился в валуйской больнице, в полной мере совпадает с сообщением Александра Рыбалова с географической точки зрения, однако не совпадает с ним по времени: Рыбалов пишет о том, что уже 18 ноября 1941 года он был этапирован из Валук в Уфу через Новый Оскол. Это значит, что Александр Довбня должен был скончаться в больнице до 18 ноября 1941 года, иначе Рыбалов не смог бы стать свидетелем его смерти.

Характер пожара

Если резюмировать массив доступных документов и свидетельств, мы полагаем, что нам удалось установить личность автора воспоминаний о пожаре в Бутырках и расстреле под Новым Осколом. Опираясь, в том числе, на свидетельства Александра Рыбалова, мы подвергли ревизии ряд касавшихся трагедии текстов. Мы также подтвердили точность по крайней мере некоторых из описываемых Рыбаловым деталей, найдя архивно-следственное дело упоминаемого им агронома Александра Довбни.

Освободившись из-под стражи в Уфе, Александр Рыбалов вернулся в Харьков и опубликовал два кратких воспоминания под своим настоящим именем в коллаборационистской прессе, тем самым подвергнув себя опасности. Каковы были его мотивы? Считал ли он, что обязан рассказать о том, что увидел, выжив там, где другие погибли? Вопросы остаются открытыми.

Как бы то ни было, благодаря Александру Рыбалову у нас есть источник, подтверждающий, в каком именно населенном пункте произошел пожар, унесший жизни 149 человек; нам известно об условиях, в которых заключенных этапировали из Харькова до Валук и затем до Нового Оскола, о лишениях, которые пришлось пережить этим людям, одни из которых погибли в огне, другие были расстреляны при попытке побега и по принципу коллективной ответственности. Александр Рыбалов оставил нам свидетельство об одном из многих «затерявшихся» этапов, чей путь был окутан мифами и домыслами и который стал частью исторической памяти украинской диаспоры, оторванной от дома.

В связи со всем вышенаписанным мы считаем допустимым выдвинуть гипотезу об обстоятельствах пожара в Бутырках. Рыбалов, будучи очевидцем произошедшего, не упоминал, что пожар был умышленным, хотя такое утверждение пришлось бы кстати в оккупационной пропагандистской прессе, где были напечатаны его воспоминания. Рыбалов также сообщил, что «из 540 заключенных через другую дверь, в основном, через боковую, ранее открытую конвоиром, спаслось 210, которых на второй же день повели дальше». Иначе говоря, у конвоиров не было умысла, чтобы все заключенные погибли, и это идет вразрез с позднейшими воспоминаниями из среды украинской эмиграции. Если

83 Там же. Л. 47.

допустить, что Рыбалов ни о чем не умолчал, это значило бы, что в Бутырьках не было умышленного поджога, который можно было бы квалифицировать как военное преступление. Гибель заключенных в этом случае следовало бы считать преступной халатностью и результатом паники. Эта паника могла бы объяснить убийство конвоирами ряда пытавшихся выбраться из загоревшегося сарая узников.

Главный аргумент против данной версии — воспоминания Марии Манц, где сообщается о поджоге. Не следует, однако, упускать из виду, что ее воспоминания были записаны дочерью Манц с ее слов в 1989 году, то есть спустя 48 лет после описываемых в них событий, и указанное Манц место пожара — по крайней мере, на сегодняшний день — не подтверждено другими документами. К тому же, Манц была свидетельницей не столько предполагаемого поджога, сколько разрушительных последствий пожара, и, называя его умышленным, она ссылалась на других свидетелей — прибежавших к месту пожара крестьян (здесь ее рассказ согласуется с рассказом Рыбалова, где говорилось о толпе прибежавших на помощь колхозников). В то же время Манц рассказала о намерении конвоиров убить обгоревших, но еще живых заключенных: им помешали сделать это свидетели.

Разумеется, квалификация пожара как халатности не подразумевает преуменьшения вины советской стороны. Рыбалов отдельно упоминает, что начальник этапа не позволял колхозникам «ни тушить пожар, ни помогать пострадавшим». Не стоит также забывать, что сгоревшие в Бутырьках люди вряд ли когда-либо оказались бы в данном месте в данное время, если бы не логика тоталитарного государства.

Эту статью хотелось бы завершить отрывком из второго текста Рыбалова, «Жертвы Советов», опубликованного в 1943 году:

Я видел не нормальных людей, а только тени, которые представляли собой почти скелет с полубезумными глазами. Грустно было слушать одного военного техника-инженера. Когда он рассказывал, как его приговорили к расстрелу только за то, что он записывал свои впечатления о войне, а во время обыска нашли у него, кроме этой книжечки, еще образок, благословение матери; как привезли его из Валук до Нового Оскола, где он 29 дней ждал решения своей судьбы и слышал, как каждую ночь выводили таких же, как и он, осужденных к высшей мере наказания, и на дворе, под грохот мотора автомашины, чтобы не слышно было выстрелов, их расстреливали^{84 85}.

84 *Рибалів О.* Жертвы Советов // «Нова Україна», Харків, №20 (334). — Середа, 27 січня 1943. — С. 3.

85 *Укр.* Я бачив не нормальних людей, а лише тіні, що являли собою майже кістяк з напівбожевільними очима. Сумно було слухати одного воєнного техника-інженера. Коли він розповідав, як його засудили до розстрілу лише за те, що він записував свої враження про війну, а під час тросу знайшли у нього, крім цієї книжечки, ще образок, благословіння матері; як привезли його з Валук до Нового Осколу, де він 29 днів чекав вирішення своєї долі і чув, як щочас виводили таких же, як і він, засуджених до вищої міри покарання, і на дворі, під гуркіт мотора автомашини, щоб не чути було пострілів, їх розстрілювали.